

6.4.95

Ростропович Мстислав

298

24 февраля в парижском зале «Гаво» состоялся уникальный концерт. В нем впервые встретились в Париже три всемирно известных музыканта — Мстислав Ростропович, Гидон Кремер и Юрий Башмет. Программа концерта была целиком составлена из произведений Шнитке, что во Франции происходит впервые.

На этот концерт я пришел заблаговременно, потому что «три мушкетера» любезно согласились дать интервью для «Русской мысли». Первым в этом трио интервью солировал Мстислав Ростропович.

— Два года тому назад на созданном вами Международном фестивале в Эвиане меня очень тронуло ваше глубокое почтение к творчеству Шнитке. Чем это обусловлено?

— Это основывается на всей моей биографии. Композицией я увлекался с малолетства, сочинял музыку еще до того, как начал играть на виолончели. Потом, слава Богу, это дело бросил. Когда мне было 11 лет, я поступил в музыкальное училище при Московской консерватории в класс композиции к Евгению Осиповичу Меснеру, а затем, в 1943 году, попал в класс композиции к профессору Виссариону Яковлевичу Шебалину и в класс инструментовки к Шостаковичу, с которым занимался фактически с 1943 до 1948 года. Это общение с композиторами мне дало больше, чем общение с моими партнерами-исполнителями, потому что композиторы всегда устремлены вперед. Я имею в виду больших композиторов. Они всегда опережают свое время, как Шостакович, Прокофьев, Стравинский.

Кроме того, поскольку я играл на виолончели, а виолончельный репертуар довольно-таки бедный по сравнению с репертуаром фортепьянным и скрипичным, то свою жизнь я во многом посвятил тому, чтобы заставить композиторов талантливо писать для виолончели. Правда, у меня есть замечательные последователи. Наталия Гутман, моя ученица, еще до меня, так сказать, надела на Альфреда Шнитке, и он написал для нее Первый концерт и Первую сонату, чем я очень горжусь. Мои ученики Наталия Гутман, Давид Гелен, Иван Монигетти постоянно интересуются новой музыкой. Эти замечательные виолончелисты вносят весомый вклад и продолжают то дело, в которое я посылно вложил свою жизнь.

Потом уже я вмешался в творческую жизнь Шнитке. Как дирижер исполнил с Лондонским симфоническим оркестром и записал на пластинку его «In Memoriam». Оно посвящено памяти матери, а для меня им написана Шестая симфония. С Вашингтонским национальным оркестром я впервые ее исполнил в Москве. В Амстердаме дирижировал премьерой оперы Шнитке «Жизнь с идиотом». Затем Альфред много написал для виолончели. Например, замечательное сочинение для виолончели и фортепиано, которое называется «Ностальгия». Впервые я его сыграл в Японии. На моем фестивале во Франции я впервые исполнил Второй виолончельный концерт и Трио для виолончели, скрипки и фортепиано. Но может быть, одно из самых гениальных сочинений Шнитке для виолончели — это переложение эпизода из его балета «Пер Гюнт», которое он сделал для виолончели, фортепиано и электронники. Там во время исполнения звучит музыка, записанная электронным методом.

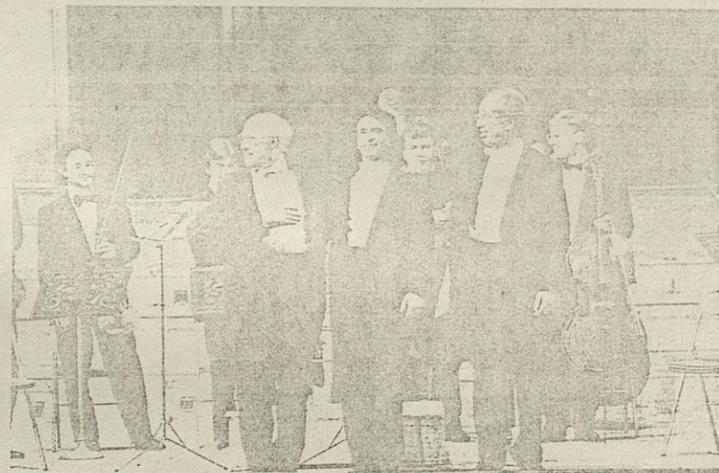
— В музыке Шнитке вы ощущаете больше интеллектуального или эмоционального?

— Эта музыка, какой бы она ни была новой, каким бы новым языком не была высказана, она всегда эмоциональна. Она всегда имеет под собой глубоко человеческую душу. Вот это меня очень трогает и привлекает. Должен сказать, что, когда я слушаю музыку Шнитке, у меня часто просто наворачиваются слезы на глаза. И эта реакция для меня очень значительная.

— Совсем недавно в Москве после выступления с квинтетом им. Бородина вы сказали, что играть камер-

ную музыку для вас не только наслаждение, но и учеба. Сейчас с Кремером и Башметом вы будете исполнять струнное трио Шнитке. В чем здесь состоит учеба?

— Учеба в том, что вы не просто сами играете произведение и даете команду всему. Когда вы исполняете концерт с оркестром, то, конечно,

Слева направо: Мстислав Ростропович, Юрий Башмет, Гидон Кремер. Фото В.Игнатова.

прежде всего имеее контакт с дирижером, но в общем-то вы даете команду всему. А здесь — три равных партнера, или четыре, как в квартете, или пять в квинтете. И тут чрезвычайно важно ваше общение с партнерами. Это примерно как футбольная команда. Когда вы имеее взаимодействие с мячом, то передаете его тому игроку, который в данное время свободен, так же, как вы передаете свою партию, какую-то реплику партнеру по ансамблю. Например, когда я исполняю камерную музыку с пианистами, каждый раз те же самые сочинения я играю с разными музыкантами поразному, потому что я воспринимаю их игру. Это как бы импровизация, вернее, даже композиция, которую вы формируете на сцене. Это творческий процесс, потому что вы слушаете, как партнер играет, и ему отвечаете. Либо вы отвечаете так же, как он играет, либо ему предоставляете шанс какого-то диалога. Это дает невероятную возможность заострить свои музыкальные ощущения. Кроме того, очень важно, какие у вас партнеры. Играть с Башметом и Кремером для меня всегда огромное наслаждение.

— Я помню, как вы играли Тройной концерт Бетховена. В начале нынешнего сезона мне довелось присутствовать в Парижской Опере на мировой премьерке Концерта для четырех инструментов Оливье Мессиана, посвященного, в частности, и Ростроповичу, где вы солировали на виолончели. Теперь вы исполняете Концерт на троих Шнитке. Как появляются оркестровые сочинения такой формы?

— Они появляются очень редко. Но вот концерт Шнитке больше связан с шуткой. Он был задуман во время торжества. Мы с Альфредом праздновали исполнение его Шестой симфонии в Нью-Йорке, и он у меня спросил: «Как думаешь? Что нужно написать к моему 60-летию для фестиваля, который будет в Москве?» Я говорю: «Кто тебя больше всего играет? Башмет, Кремер и я. Вот и напиши концерт на троих». Альфред страшно возбудился и сказал: «Замечательно! Я сочиню концерт именно на троих». Отсюда и пошло. Вначале даже в титре было так: «Концерт на троих — поставит Ростропович». Но у меня двое оказались непьющими. На троих как-то не получилось в смысле пол-литра, а в смысле музыки получи-

лось прекрасно. Так что этот концерт был сделан именно в шутку, и его русское название «на троих» довольно трудно переводится на другие языки. Это никак не тройной концерт, как его иногда переводят.

— У него есть посвящение?

— Да, он написан специально для нас и посвящен каждому из нас. Каж-

дый из троих имеет как бы свой маленький оркестрик и играет с ним свою часть. Финал — короткий, для всех вместе. В конце на сцену выходит какой-нибудь служитель, пожарник или кто-то еще, подходит к роялю и ударяет по клавиатуре двумя руками громко, как только возможно. Этим он прекращает безобразие, которое мы учиняем.

— Шнитке присутствовал при исполнении этого сочинения?

— Нет, потому что он уже был болен (Альфред Шнитке перенес уже четвертый инсульт. — В.И.). Но ему демонстрировали пленку с записью концерта, и, как мне сказала его жена Ирина, Альфред был в полном восторге.

— Где уже исполнялся Концерт на троих?

— Мировая премьера состоялась в Москве, как и намечалось, на фестивале Шнитке в честь его 60-летия. Потом мы играли его в Лондоне, и вот сегодня в третий раз он прозвучит в Париже.

Интервью на троих продолжил Гидон Кремер.

— Великий композитор Шнитке сочинил концерт для трех великих музыкантов. Как чувствует себя один из них в этой музыке?

— Альфред не только написал концерт, не только нам его посвятил, но таким образом осуществил свое желание свести нас вместе. Мы все играли музыку Альфреда. Наверное, я дольше всех, потому что моей дружбе с Альфредом уже 25 лет. Потом в круг его близких — сообщников, соратников, почитателей, коллег — включился Башмет. Для Юры сочинен альтерный концерт. Затем Альфред написал для Славы виолончельный концерт и симфонии. Как-то все это привело к тому, что и нам захотелось объединиться, и у Альфреда была мечта нас свести воедино. Незадолго до своей болезни он успел завершить Концерт на троих, и мы очень счастливы, потому что это сотрудничество нам было подарено нашим другом. Это впервые мы играем вместе.

— Концерт на троих Ростропович связывает с шуткой. А вы?

— Я позволю себе с этим не согласиться. Я отстаиваю, что это сочинение очень серьезное. В нем есть доля иронии, но у Альфреда даже шутки никогда не бывают прямолинейными. Поэтому мне кажется ошибочным в этом произведении, полном мрака, видеть просто анекдот. Для меня это сочинение, может быть, короткое, но оно полноценное для каждого инструменталиста. И какopus оно очень необычное, потому что это не тройной концерт, как Струнное трио, которое

мы сейчас будем играть, где все голоса сливаются вместе, а это действительно Концерт на троих, в котором каждому из солистов дана возможность полноценно высказаться на своем инструменте в различных ракурсах. И только финал нас сводит в каком-то сумасшедшем вихре, который неожиданно завершается аккордом рояля — инструмента, практически отсутствовавшего во время исполнения. Я вижу в этом не столько шутку, сколько, может быть, даже фатум — предопределение какого-то рокового удара.

В названии Концерта на троих, конечно, есть доля иронии, потому что кому, как не русскому человеку, знакомое понятие «на троих». Хотя у французов тоже есть «à trois», но оно не имеет такого же смысла. Однако в этом русском понятии я не вижу ничего смешного. На самом деле в той же бутылке «на троих» есть своя трагедия. Если смотреть «на троих», то моя первая, самая прямая ассоциация не с анекдотом, а с первой сценой фильма Андрея Тарковского «Сталкер». Там тоже «на троих». Но разве это смешно?

— Что вы могли бы сказать о творчестве Шнитке в целом?

— Для меня все, что делал Шнитке, близко, независимо от того, какие из его сочинений я считал более удачными или менее. Это просто очень важный композитор нашего времени. В его творчестве есть отголоски всех тех драматических поворотов, которыми полна наша судьба и судьба России. Но я бы не хотел называть Альфреда национальным композитором, потому что вечное, оно — внационально. Конечно, для тех, кто жил судьбами Москвы, нашей родной земли, судьбами людей нашего круга, творчество Альфреда, может быть, еще более близко, чем для многих, кто начинает в нем узнавать великого композитора просто по его профессиональным качествам. Потому что одно дело видеть в его партитурах высокий уровень мастерства и сочинительства, а другое дело еще как-то чувствовать истоки этой музыки, откуда идет эта драма, которая, конечно же, есть продолжение драмы и Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, и раздельная драма того круга людей, с которыми Альфред был связан. Софья Губайдулина ли это или Эдисон Денисов, Валентин Сильвестров или Арво Пярт — это все одно поколение, одна судьба, в которой каждый из этих композиторов находил свой способ сопротивляться навязываемому, свой почерк, свой язык, свой стиль выражения. Сейчас мы уже видим, что это не просто, как в XIX веке, «могучая кучка», а это люди одной семьи, которые пошли совершенно разными путями. Мне дорого, что именно Альфред и все остальные — Софья, Эдисон, Валя, Арво обогатили музыку нашего века, что нам — Слава, Юре и мне — удалось и удастся еще соприкасаться с этим.

Концерт в зале «Гаво» шел с огромным успехом. Чтобы приостановить разрастающиеся овации, Ростропович вскоре сказал: «Предвидя, что придется играть на "бис", Шнитке сочинил для нас маленький менуэт». Эту очаровательную миниатюру Ростропович, Кремер и Башмет были вынуждены исполнить дважды...

Наше трио-интервью завершает Юрий Башмет.

— Какова значимость сегодняшнего концерта?

— Во-первых, мне очень приятно, что Франция, которая не очень быстро признала Шнитке, сейчас начинает его любить по-настоящему. Конечно, здесь тоже есть огромная заслуга тех, кто пропагандирует его музыку. Потому что музыка без исполнителей, к сожалению, мертва. Хотя я прекрасно отдаю себе отчет, что мы, исполнители, — паразиты, позитивные, конечно, но все-таки музыку нужно исполнять, чтобы ее слышали. И вот Франция наконец-то повернулась к Шнитке, и его музыку здесь сейчас

Альфред Шнитке. Фото Роже Пинара.

слышат. Меня долго удивляло, что Шнитке не был популярен во Франции, потому что это композитор, говорящий о главных человеческих категориях. Его нельзя назвать ни ультрасовременным, ни классиком, ни романтиком. Его очень трудно определить, а в то же время очень легко. Это гениальный композитор, живущий сейчас с нами или мы с ним (как хотите) и говорящий о жизни и смерти, любви и ненависти, о том, что должна понимать любая нация. Я долго ждал признания Шнитке во Франции, и вот наконец-то оно пришло. Только очень жаль, что сегодня он не может присутствовать на таком концерте.

Во-вторых, это не единственный концерт. Вчера и позавчера в зале «Плейель» я играл альтерный концерт Шнитке. Так что для меня это как бы маленький фестиваль музыки Шнитке. В-третьих, встреча по отдельности и со Славой Ростроповичем, и с Гидоном Кремером совершенно поразному, но всегда приносит мне огромное счастье. А такая встреча и совместное музицирование тем более. В данном случае низкий поклон Шнитке за то, что он не просто сочинил Концерт на троих, а посвятил его нам, и мы теперь обязаны его исполнять именно в этом составе. Таким образом, мы втроем встречаемся на сцене, и это нам доставляет огромную радость. Сегодня мы исполняем этот концерт в третий раз, и пока это чувство не угасает. Я очень свежо воспринимаю саму встречу с моими коллегами-исполнителями. Для меня это всегда большое событие!

— А Струнное трио, с которого началась сегодняшняя программа, вы его уже играли вместе?

— Нет, сейчас первый раз. Это произведение написано давно и претерпело уже очень многое. Мною было сделано переложение для струнного оркестра, которое стало очень популярным и записано на пластинку. В этом переложении участвовал сам Шнитке, помогал мне. Но официально оно издадо как мое переложение, и его часто исполняют. Затем выдающийся русский дирижер Геннадий Рождественский сделал оркестровку для симфонического оркестра и в Москве записал на пластинку. Впоследствии сам Шнитке написал на эту музыку трио для скрипки, виолончели и фортепиано. Значит, у этого сочинения уже есть как минимум четыре ипостаси. Сегодня мы его играли в оригинальном варианте, и для нас это была премьера.

После трио-интервью с исполнителями концерта читатели «Русской мысли», возможно, заинтересуют также мнение слушателей. Поэтому я взял короткое интервью у Геннадия Рождественского:

— Каковы ваши впечатления от сегодняшнего концерта?

— Огромные.

— Вы имеее в виду музыку Шнитке или ее исполнение?

— И то, и другое. Не было бы музыки, не было бы исполнения. В основе лежат музыка.

— Хотелось бы услышать ваши слова об этом выдающемся композиторе.

— Я могу сказать, что это один из величайших гениев в музыке XX столетия, а может быть, величайший в сегодняшние дни.

ВИКТОР ИГНАТОВ

Пинар

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «РУССКУЮ МЫСЛЬ»!